

Чжао Инлинь от избытка чувств едва не потащил его на улицу пить вино, но, видя, как тот погружен в учебу и совершенно не настроен праздновать, лишь покачал головой:

— Тогда занимайся как следует и покажи лучший результат в уезде, став аньшоу! Если действительно займешь первое место, поедem в губернский центр и устроим пир в самом лучшем ресторане «Юньсянлоу»!

Цуй Се пообещал ему выложиться на экзамене по полной, а вернувшись домой, принялся перечитывать «Законы Великой Мин» и «Доклады знаменитых сановников всех династий».

Уездный экзамен длился три дня: в первый день проверяли знание канонических смыслов, во второй — практическое письмо: эдикты, манифесты, петиции, юридические решения и рассуждения, а на третий день писать надлежало сочинение по текущим государственным делам. За несколько дней до экзамена господин Линь предположил темы для сочинений, и они проработали варианты по канонам, истории и текущим делам. Что же до указов, манифестов и петиций, то там достаточно было соблюсти верный формат, так что волноваться не приходилось. А вот судебных решений он написал не так много, поэтому в последние два дня пришлось усердно восполнять пробелы.

Два дня пролетели в мгновение ока, и настал черед второго тура.

Для десятки лучших кандидатов условия отличались от остальных. Первую десятку вызвали на экзамен в зал: они сидели в главном зале Храма литературы за удобными отдельными столами и стульями, пили бесплатный горячий чай — правда, писать статьи приходилось прямо под строгим взглядом начальника уезда.

Начальник уезда Ци с мрачным видом сперва прочитал им наставление: запретил списывать и предостерег от гордыни из-за хороших результатов в первом туре... Наставил учеников так, что те боялись даже поднять голову, и лишь после этого велел раздать темы, составленные им самим этим утром.

В другом уезде на второй и третий туры, возможно, закрыли бы глаза. Однако под управлением начальника уезда Ци в этом году трое соискателей успешно сдали экзамен на степень цзиньши, да и ежегодная аттестация прошла успешно — вероятнее всего, его оставят на еще один срок. Он полнился честолюбивых замыслов взрастить ученую атмосферу в уезде, а потому подошел к составлению заданий с особым усердием, вынес два юридических казуса и одно историко-философское рассуждение.

Первое юридическое решение касалось недоимки налогов на чай и соль: за каждую десятую долю задолженности полагалось сорок ударов бамбуковыми палками, но не более восьмидесяти ударов, а сам налог требовалось уплатить до конца года. Второе касалось нарушения этикета во время аудиенции у императора: виновный наказывался лишением жалования за полмесяца, а если надзорный чиновник не заметил нарушения, то подлежал равной каре.

Рассуждение же касалось императрицы Чжансянь Лю эпохи Сун, то есть супруги Сунского Чжэнь-цзуна, известной как главная героиня дела о «подмене наследного принца».

Исторические хроники были далеко не столь увлекательны, как телевизионные сериалы, а уж написание исторического эссе и подавно являлось делом скучным. По сути, требовалось лишь пересказать «Историю Сун» современным стилем: сначала описать ее происхождение из семьи серебряных дел мастера, то, как она, будучи низкого рода, снискала высочайшую милость и в итоге взошла на престол императрицы, простирая свою власть над всей землей. Затем

следовало восхвалить ее материнскую доброту при воспитании Жэнь-цзуна, скромность в обустройстве дворцов и мудрость, выраженную в умении прислушиваться к советам добродетельных сановников. И в завершение — нанести легкий укол за ее проступок в отношении наложницы Ли.

Этот тур прошел гораздо проще первого. А спустя еще три дня на финальном туре требовалось ответить всего на один вопрос по государственным делам: тема звучала как «Развитие ирригации».

Хотя тема отличалась от борьбы с последствиями бедствий, к которой Цуй Се готовился в последние дни, он не был из тех книжников, чье образование ограничивалось лишь Четверокнижием и Пятикнижием и кто не смыслил ни в чем, кроме канонических смыслов. К тому же из телевизионных передач он почерпнул немало сведений об управлении водными ресурсами. О современных технологиях писать он не дерзнул, а потому изложил мысли о сооружении водяных колес, копании каналов для отвода воды, опреснении солончаков промывкой и выращивании на них риса — обо всем том, что уже существовало в эпохи Сун и Мин. Оттачивая слог в стиле «Собрания сочинений шести господ», он создал весьма убедительный и логичный труд.

На списках, вывешиваемых у здания уездного ямыня после каждого из трех туров, его экзаменационный номер неизменно находился на самом верху круга. А когда вывесили итоговый список, его имя было выведено отдельно, над самым кругом — он занял первое место и стал аньшоу.

Домочадцы от избытка чувств пролили не одну слезу, а младшие соученики наперебой спешили с поздравлениями. Господин Линь гордо водил его пить вино, не скрывая похвалы и во всеуслышание заявляя, что выучил настоящего вундеркинда. Новый цзюйжэнь Тан Нин и прочие книжники в один голос утверждали, что еще на поэтическом вечере на Праздник двойной девятки поняли: этого юношу ждет великое будущее.

Лишь сам Цуй Се испытывал некоторую тревогу.

Неужели он, иномирянин, и вправду смог написать статью лучше, чем эти ученики, родившиеся в династию Великая Мин и с детства взращенные на Четверокнижии и Пятикнижии? Или же начальник уезда Ци продвинул его из уважения к их прежним отношениям?

Огласив результаты уездного экзамена и готовившись отправиться в Юнпинскую управу на следующий этап, он наедине испросил аудиенции у начальника уезда Ци и задал этот вопрос. Начальник уезда Ци в те дни пребывал в полном благополучии и буквально сиял, без всякой обработки фотоснимков походя на красавцев с иллюстраций к путевым заметкам. Но, услышав вопрос Цуй Се, он тут же сжал губы и с мрачным видом отчитал его:

— Как тебе только могла прийти в голову подобная мысль! Это государственные испытания по отбору талантов! Разве мог я пойти на подлог ради какого-то там юного туншэна!

Он говорил с непоколебимой правотой, совершенно забыв, почему некогда сам произнес фразу о том, как сделать так, чтобы Все люди Поднебесной обретут покой.

Впрочем, Цуй Се нисколько не обиделся на такой тон; напротив, ему это ужасно понравилось. Гнетущее беспокойство, терзавшее его несколько дней, мигом рассеялось, а из глубины души поднялась радость, озарившая лицо ярким светом.

Почувствовав, что может нарушить приличия, он поспешно низко наклонил голову и признал вину:

— Ученик ошибся в своих помыслах. Я лишь считал себя недостаточно добродетельным и умелым и не ожидал столь высокой оценки от господина...

Начальник уезда Ци, хоть и сохранял суровый вид, на самом деле не сердился. Хмыкнув, он велел юноше подняться и строго произнес:

— Я ценил твои экзаменационные сочинения, а не тебя лично! К чему тут эта скромность? Испокон веков говорят: «Не важно, покорит ли статья всю Поднебесную, главное — чтобы она понравилась экзаменатору». Раз у тебя хватило мастерства написать работу по душе мне, твоему экзаменатору, значит, звание первого ученика уезда принадлежит тебе по праву. Даже я не боюсь, что высшее начальство проверит работы, так чего же боишься ты?!

Цуй Се покорно поддакивал. Видя его подобающее поведение, начальник уезда Ци сменил гнев на милость и добавил:

— А где те работы, что префект недавно правил для тебя? Достань их и внимательно изучи его стиль и приемы. Господин Ван, в отличие от меня, не жалуется сдержанный стиль древней прозы — ему подавай строгие, исполненные величия и благородства статьи.

От автора: Забыл упомянуть: фраза «Лочжи цзюньцзы» адаптирована из темы по Четверокнижию Сюн Каюаня эпохи Чунчжэнь («В "Ши цзин" сказано: счастливый благородный муж»), а «Все люди Поднебесной обретут покой» принадлежит цзиньши первого года Чунчжэнь Цзинь Шэну.

В первом месяце года Юнпинская управа пострадала от землетрясения: сильнее всего бедствие ударило по самому административному центру управы, а также по уездам Фунин и Линьуй. Рухнуло неисчислимое множество домов и городских стен, многие жители получили увечья. Префект Ван Вэнь был поглощен ликвидацией последствий катастрофы, из-за чего окружной экзамен раз за разом откладывался и начался лишь ближе к концу второго месяца.

Ученики из шести уездов этой управы, а также из гарнизона Шаньхай и нескольких военных поселений должны были приехать на экзамен в центр управы. У ворот экзаменационного пункта яблоку негде было упасть: кандидаты из разных уездов толпились в ожидании вызова. Слуги у ворот выкликали учеников по порядку: Лулун, Цяньань, Фунин... — чтобы проверить их личности и провести досмотр. Для окружного экзамена требовалось не просто поручительство пяти кандидатов и одного линьшэна, а заступничество двух шэньюаней.

Чжао Инлинь попросил своего старшего брата помочь найти поручителей, и тот, взяв с этой компании юных учеников лишь символическую плату в один лян серебра с человека, встал за Вратами Дракона, чтобы подтвердить их личности.

На этот раз у Цуй Се не было никаких привилегий от уездных властей, поэтому его досмотрели по всей строгости. Как и другие туншэны, он вошел в экзаменационный зал раздетым и растрепанным. На его глазах у нескольких человек впереди нашли шпаргалки; стражники оттащили их в проход и заставили стоять на коленях лицом к стене — так им предстояло позориться перед входом весь день, прежде чем их отпустят. Тот же, кто оказался робкого десятка, еще до досмотра выбросил на обочину записки и миниатюрные сборники шпаргалок, предпочтя честно войти с пустыми руками.

Три тура окружного экзамена оказались сложнее уездного. В конце концов, сдав окружной

экзамен, кандидат получал статус туншэна и мог каждый год сдавать юаньши напрямую; те же, кто проваливался, были вынуждены на следующий год начинать заново с уездного экзамена. Да и префект господин Ван отличался от начальника уезда Ци, увлеченного духом старины и ленившегося давать сложные комбинированные темы. Хотя префект Ван и не давал вырванных из контекста цитат, от истоков которых невозможно было отследить, он все же любил объединять строки из разных глав.

В первом туре окружного экзамена давались два сочинения по каноническим смыслам. Темой по Четверокнижью стала «Весной проверял посевы и восполнял нехватку, служа образцом для удельных князей». В оригинале после строки «Весной проверял посевы и восполнял нехватку» идет «осенью собирал урожай и помогал нуждающимся», а затем следует древнее поучение эпохи Ся, завершающееся словами «одна поездка, одна радость — служат образцом для удельных князей». Смысл был объединен через пропущенные строки, но логическая связь сохранялась. Темой же по «Ши цзин» стала «Величествен венценосный Ван, красные луки ослаблены», объединившая отрывки из разделов «Да я: Вэнь-ван» и «Сяо я: Тун гун».

Последующие два тура, наоборот, оказались легче заданий начальника уезда Ци: всего одно рассуждение и одна работа по текущим делам. В рассуждении требовалось порассуждать на тему «сельских общин», а в работе по текущим делам спрашивалось о борьбе с последствиями бедствий. Перед уездным экзаменом Цуй Се как раз тренировался на подобных вопросах о борьбе с бедствиями, так что чувствовал себя как рыба в воде. Если после первых двух сочинений по канонам у него еще оставались какие-то сомнения, то написание этого труда подарило ему ощущение задорной легкости, сравнимой разве что с защитой дипломной работы. Не успело солнце перевалить за полдень, как он завершил труд и лично вручил его префекту.

Окружной экзамен тоже не предполагал запечатывания имен на свитках. Префект Ван хоть и не знал Цуй Се лично, зато прекрасно помнил его имя. Видя, как этот юноша три дня подряд сдает работы раньше срока, во время их последней встречи он не удержался, попросил его задержаться и, держа в руках его работу, спросил:

— Так ты и есть тот самый Цуй Се из уезда Цяньань, составивший «Парные изречения из Четверокнижия»?

Цуй Се, опустив руки, ответил:

— Именно так, превосходительство.

<http://bllate.org/book/18372/1761322>